

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Валерий Медведев

КАПИТАН
СОВРИ-ГОЛОВА

*Издательство
„Детская литература“*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ВАЛЕРИЙ МЕДВЕДЕВ

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА

*(Пять рассказов из жизни
Дмитрия Колчанова)*

Москва

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

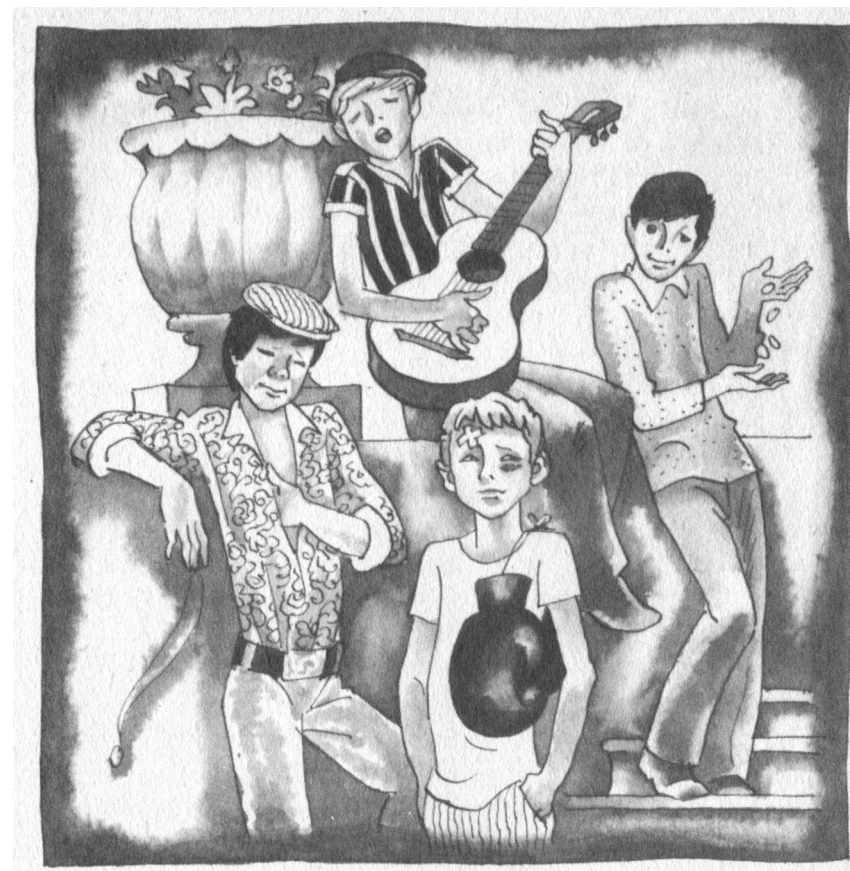
1984

ОТ АВТОРА

Это я, ещё когда служил в армии, заметил: после трудного учения или длительного марша усталые солдаты знают возле кого собираются на привале? А возле самого весёлого бойца, который не только сам не унывает, но и у других умеет дух поднять какой-нибудь весёлой шуткой, или рассказом, или просто острым словом. Смеются солдаты, хохочут — одним словом, отдыхают. Ещё я в армии заметил: кто в весёлом разговоре участия не принимал, а где-нибудь под деревом сидел в одиночестве или спать прилёг под кустом, тот по-настоящему не отдыхал, а кто веселился, с того усталость как рукой снимало.

Видите, какое чудодейственное средство этот смех! Теперь вам, наверно, не нужно объяснять, почему я больше всего на свете люблю писать весёлые рассказы.

Рисунки А. ТАМБОВКИНА

Медведев В. В.

М 42 Капитан Соври-голова: Рассказы/ Рис. А. Тамбовкина.— М.: Дет. лит., 1984.—64 с, ил.— («Книга за книгой»).

Ю к.

Рассказы о весёлой жизни ребят, полной интересных событий и приключений. Главный герой рассказов — Дима Колчанов, по прозвищу капитан Соври-голова.

М 4803010102-201
М101 (03)84 **42~84

(6) Состав. Иллюстрации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984

*КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ ВЛЮБИЛСЯ,
ИЛИ НЕКРАСИВАЯ ДЕВЧОНКА*

Дима Колчанов, он же капитан Соври-голова, он же (сокращенно!) капитан Сого, снял с гвоздя боксёрские перчатки, которые он взял у одного начинающего боксёра. Потом химическим карандашом нарисовал себе небольшой синяк под глазом и на совсем здоровый лоб крестом наклеил лейкопластырь. И в таком устрашающем ви-

де он смело и почти что бесстрашно вышел на улицу и направился на поиски подавляющей компании. Обычно он избегал этих встреч, но сегодня он сам шёл им навстречу. Всю их ораву он обнаружил возле кинотеатра. Борис Смирнов брякал на гитаре и пел, а Степан Комаров, что-то подпевал ему. Колчанов приблизился к ним, ну, просто нахально и совсем вплотную. Боксёрские перчатки грозно висели у него на плече... светился пластырь на лбу, синяк синел под глазом.

— Что это такое? В чём дело? Ой, мама, я боюсь,— сказал Комаров.

— Капитан Сого — чемпион мира в весе ни пуха ни пера,— засмеялся Смирнов.

Колчанов стоял прямо, хотя ноги от страха у него подламывались. Это так озадачило подавляющих, что они даже не сразу начали его подавлять, а сначала допели свою песенку.

— Ваше нам,— сказал Комаров, обращаясь к Колчанову,—а наше не вам...

Начиналось обычное подавление личности, от которого Колчанов чаще всего спасался бегством, но на этот раз он стоял, хотя ноги его сами по себе так и норовили сорваться с места.

— Что-то я тебя давно не вижу,— сказал Комаров.— Где ты пропадаешь?

— В боксёрской школе пропадает! — сказал Смирнов.

— Там и пропадает! — поддержал его Молчунов Виктор.

— Уж начал пропадать, ишь сколько ему синяков поставили.— Комаров противно засмеялся.

Колчанов смело промолчал.

— А как собак стригут, знаешь? — спросил его с издёвкой Борис Смирнов.

Подавляющие всегда задавали Колчанову при встрече какие-то дурацкие вопросы.

— Ножницами! — нахально ответил Колчанов.

— Ножницами! — засмеялся Витька Молчунов.—

Собак стригут так... За хвост и об забор. Жалко, что у тебя нет хвоста, а то... я бы тебе показал, как стригут собак.

Колчанов снова смело промолчал.

— Подпрыгни,— сказал Комаров,—что-то ты долго стоишь на одном месте? Застоялся, наверно?

Колчанов подпрыгнул. В карманах у него зазвела мелочь.

— Выгружай! — приказал Комаров, как всегда.—Смирнов, помоги. Ты чего не выгружаешь? — удивился Комаров.—А вы чего не выгружаете? — спросил Комаров Смирнова и Молчунова Виктора.

— Так ведь ударит,—сказал Смирнов.

— Не ударю,—сказал Колчанов.— С меня расписку взяли, что я не буду бить небоксёров.

— Кто взял?

— Тренер по боксу. В «Крылышках». Там открытые соревнования были. Выходи и боксируй кто хочешь, с кем хочешь. Я вышел, нокаутировал чемпиона Москвы среди мальчиков. Мне сразу третий разряд. И с меня расписку, чтобы зря не дрался. Не сдержу слово — дисквалифицируют.

— Вот даёт,—сказал Комаров.

Молчунов и Смирнов выгребли из карманов Колчанова всю мелочь.

— Рубль двадцать три копейки,—сказал Дима Колчанов и пояснил: — Это я для того, чтобы с вас лишнего не взять, когда будете долг возвращать...— А про себя подумал: «Не подействовали перчатки...»

А на следующий день к Колчановым на пироги приехал папин сослуживец. Вместе с собой он привёз двух сыновей, которых смешно звали Кешка и Гешка, и ещё дочку с собой захватил, по имени Тошка. Дима сразу её переделал в Картошку. Дима вообще о девочках не привык думать и даже внимания на них не обращал. Даже на Наташу Рыбкину внимания не обращал. То есть был как-то случай, когда он на неё обратил внимание, как-то заметил, что она существует — такая вся застенчивая и светлень-

кая. И он что-то такое маме сказал про Наташу — мол, она на подснежник похожа. Мама удивилась и сказала: «Это ещё что такое! Рано тебе ещё об этом думать, рано!»

«Ну, рано так рано!» Маме лучше знать, что рано или не рано, ну, конечно, только в этом смысле, а не в смысле путешествий. Она взрослая, и тут ей видней. Дима тогда подумал, что, наверное, в жизни каждого мальчишки настанет такой день, когда к нему подходит мама или папа и говорит: «Ну, давай думай о девчонках, думай! Пора!»

Тошку почему-то, между прочим, посадили за столом рядом с Димой. А папа похлопал Диму по плечу и сказал: «Ну, сын, будь мужчиной, ухаживай за своей соседкой!»

«Началось,—подумал Дима,—значит, о девчонках уже можно думать!» Он внимательно посмотрел на Тошку и ужаснулся. Действительно, нос как картошка! Глаза какие-то... совсем... не такие, а как у кошки. Зелёные. И зубы редкие... через раз... и уши тоже... Торчком уши! И голос такой... писклявый и противный! А главное, когда она стала есть пирожки, то у неё уши стали смешно двигаться. Вверх и вниз, то вверх, то вниз. Диме стало неприятно на неё смотреть. Лучше уж на её братьев смотреть. Хотя, между прочим, не большое это было удовольствие. Кешка глотал пирожки, как удав, совсем их не пережёвывая, он, наверное, штук десять в минуту заглотил. А Гешка, наоборот, с таким аппетитом жевал пирожки, что у него всё время за ушами что-то трещало. Трык да трык! И Диме тут стало так противно, он внутри себя так распахивался, что не выдержал. Встав без спроса из-за стола, он убежал в сад и стал читать книгу, которую папа оставил на поляне. В эту минуту он готов был убежать на край света.

Вдруг за его спиной раздался шорох, когда он совсем уже было успокоился. Дима оглянулся. И увидел эту противную Тошку-Картошку. Она, на-

певая себе что-то под нос, стала ходить вокруг Димы, сужая круги, и собирать цветочки в траве. Дима подозрительно смотрел на неё и думал: «Припёрлась, тоска зелёная... Понравиться, наверное, хочет... Ишь, распелась! Ля-ля, ля-ля! Никто её сюда не звал!»

— Вы что, книжку читаете? — спросила она, останавливаясь за Диминой спиной.

— Землю копаю...—ответил Дима грубым голосом.

— Про любовь? Или про дружбу? — спросила девчонка, не обращая внимания на грубый Димин голос.

— Про дружбу! — ещё грубее ответил Дима.— Кошки с собакой...

— Вы грубый...—сказала Тошка,—потому что вы, наверное, не верите в дружбу! Не верите ведь? — спросила она Диму и тут же сама себе ответила: — Не верите, не верите, я по глазам вижу!

«Скажи-ите, пожалуйста, она ещё и по глазам чего-то там видит»,—подумал про себя Дима, но вслух ничего не сказал.

Тошка немного попела ещё писклявым своим голосом, а потом спросила:

— А вы, правда, в дружбу не верите?

Дима снова промолчал.

— Может, вы презираете девчонок? — не унималась Тошка.—Есть такие ребята, которые презирают...

— Ненавижу! — сказал Дима, трясаясь от злости.—Ненавижу всех девчонок на свете!

— А вот мой брат Кешка меня не ненавидит,—сказала Тошка.—Он со мной дружит. Он за меня всегда заступается!

В это время на поляне как раз появился Кешка. Он молотил по воздуху руками и при этом как-то смешно Приплясывал. «Пирожки утряхивает,—подумал Дима.—Облопался!» А вслух спросил:

— А что это он делает?

— Упражняется,—объяснила Тошка.—Он у нас боксёр. А это называется бой с тенью.

При слове «боксёр» Дима посмотрел на Тошку повнимательней. Вообще-то девчонка как девчонка и не такая уж противная, как показалось. И глаза — зелёные, как трава, ничего глаза, нормальные. И нос не картошкой, а просто чуть курносый. Симпатичный такой нос. Во рту Тошка всё время травинку держит...

Дима ещё раз посмотрел на брата Тошки, продолжающего бой с тенью, и спросил:

— А можно... я буду вас звать не Тошкой... а Травкой?

— А почему Травкой? — заинтересовалась Тошка.

— Знаете, Тошка как-то звучит смешно — Тошка-Картошка...

— Можно,—сказала Тошка,—зовите Травкой... если вам так больше нравится...

— А если бы вы шли не одна,—спросил Дима Травку,—а, скажем, со своим знакомым мальчиком, то ваш Кешка заступился бы за него, за мальчика? Ну, если бы на него напал какой-то подавляющий мальчишка?

— Каждый мальчик должен сам за себя заступиться, кто бы на него ни напал. Сам...

— Сам... А если мальчик в переходном возрасте? — сказал Дима.—Знаете, возраст есть такой, человек с собой-то не может справиться, не только что с другими!

— Ну, конечно,—сказала Травка,—если бы мой знакомый мальчик был в переходном возрасте, то Кешка бы, конечно, за него заступился!

— А у вас есть знакомый мальчик? — спросил Дима Тошку.—Хороший знакомый?

— Нет,—сказала она,—знаю одного мальчика у меня нет... А что?

— Да что-то...—сказал Дима,—что-то хочется быть... кому-то знакомым...—сказал Дима, покрас-

нев, глядя, как Кешка продолжает колотить невидимого противника. Вот бы Комарову так надавать с Кешкиной помощью!

— Вам, наверное, с красивой девочкой хочется быть знакомым,—сказала с грустью Травка.

— Почему это с красивой,—соврал Дима.— Можно и с некрасивой, — а про себя подумал: «Лишь бы у неё брат был боксёр!»

В это время на поляне появился второй брат Тошки — Гешка. Он тоже запрыгал по траве в каком-то диком танце.

— Танцор? — спросил Дима, кивая на Гешку.

— И совсем не танцор, а тоже боксёр. Ноги отрабатывает!

Диме очень понравилось, что и второй брат Тошки боксёр. Братья-боксеры! Ясно, что они заступятся за Тошкиного знакомого. Ну, а если она будет с кем-нибудь дружить... тут уж, наверное, они жизни своей не пожалеют!

— А вы верите в дружбу? — спросил Дима, рисуя в своём воображении повергнутого Комарова.

— А что? — спросила Травка.

— Ничего,—сказал Дима.—Но вот... вот если бы с вами подружился один мальчик, а его жизни угрожала бы опасность, ваши братья за дружбу мальчика с вами могли бы отдать жизни? — Это Дима произнёс, словно стихи.

Травка подумала и сказала:

— За дружбу? Могли бы...

Это Диму вполне устроило, потому он сказал:

— Подружиться что-то хочется... Только вот не знаю с кем... Все какие-то...—Он не договорил.

— Какие «какие-то»? — тихо переспросила Травка.

— Все какие-то не такие...

— Какие «не такие»?

— Ну, не такие... Не такие, как вы...

— Значит, вы хотите со мной подружиться? —

спросила Травка шёпотом, при этом она так покраснела, что её белые волосы стали рыжими.

— Хочу! — подтвердил Дима тоже шёпотом и тоже покраснел — от ужаса, что он такое врёт вслух. Папа бы услышал!

— Вот Прошка обрадуется! — сказала Травка.

— Какой Прошка?

Может быть, у Травки есть ещё один брат? Боксёр. Только взрослый. Дима решил: если это так, то он скажет Травке, что готов не только дружить с ней, но готов даже влюбиться в неё. Не сейчас, конечно, а когда станет взрослым. Выяснит, кто такой Прошка и... если тоже боксёр, то влюбится.

— Значит, у вас ещё есть брат-боксёр? — с надеждой в голосе спросил Дима.

— Прошка тоже боксёр, но он мне не брат, он собака, — сказала, смеясь, Тошка.

Дима с сожалением вздохнул. Ну, раз он собака, то пока насчёт того, что он со временем влюбится в Травку, можно ничего не говорить. Впрочем, собака-боксёр Прошка лучше даже человека-боксёра, потому что собаку даже взрослый человек боится больше любого боксёра.

— А почему же он обрадуется? — спросил Дима.

— С ним никто гулять не хочет, одна я гуляю, а теперь я буду с ним не одна гулять, а вместе с вами.

И Дима снова подумал, что здесь, пожалуй, можно подумать, чтобы влюбиться. Пусть Кешка, Гешка и Прошка знают, что он обязательно влюбится в Травку, и чтобы они втроём, в случае чего, горло перегрызли этому подавляющему Комарову и его приятелям. Дима уже хотел сказать Травке, что он со временем в неё влюбится, но она вдруг рассмеялась.

— У вас совсем нет поперечно-полосатых мышц! — сказала она, посмотрев на его голую спину, и спросила: — А как вы разгибаетесь и сгибаетесь?

Дима быстро натянул ковбойку и промычал что-

то невнятное. И насчёт мышц даже не знал, что ответить. Не мог же он объяснить Травке, что потому и хочет с ней подружиться, а потом и влюбиться в неё, что у него нету этих самых поперечно-полосатых мышц.

— Я вам назначаю свидание, — сказал Дима, пуская петуха. Проклятый переходный возраст!

— А чего вы так визжите? — сказала Травка. — Свидание надо назначать тихо и таинственно. Вот так. Где и когда? — сказала она тихо и таинственно.

— Завтра в шесть часов у кинотеатра...

— Хорошо, — сказала Травка таинственно. — Я приду...

— Только у меня к вам просьба, — сказал Дима, на этот раз тоже тихо и таинственно. — Приходите не одна на свидание.

— Как не одна, а с кем же?

— Приходите... — Дима чуть было не сказал — со своими поперечно-полосатыми боксёрами. — Приходите с братом Кешкой, с братом Гешкой и с собакой Прошкой. Билеты я всем куплю...

— Но послушайте... — сказала Травка, — может быть, лучше, если я приду одна? Ведь на свидание с братьями не ходят! И в книгах и в кино всегда приходят без братьев!

«Одна!» — передразнил Дима Тошку про себя. — А кто будет за меня заступаться, когда Степан Комаров начнёт меня подавлять? Кто будет давать ему хук справа и нокдаун слева? А кто будет кусать за ноги убегающего Комарова?»

— Ну, пожалуйста... — проныл Дима. — Ну, приходите в первый раз втроём! То есть вчетвером... будем дружить все вместе!

— Ну, хорошо, — сказала Травка. — Мы придём втроём... То есть вчетвером... Я про Прошку совсем забыла.

Итак, надо было достать четыре билета в кино: для Травки, Гешки и Кешки. И для себя. И купить четыре эскимо, нет, три, на этот раз Дима сам решил

обойтись без мороженого. И для собаки Прошки — варёную кость с мясом.

Деньги на билеты и эскимо Дима одолжил у Туркина, копившего себе на какие-то особые лыжные крепления. Кость взял без спроса у мамы из супа. И, нарядившись почти как жених, пришёл к кинотеатру за полчаса до начала сеанса с билетами в кармане, со свёртком под мышкой (кость для Прошки) и с коробкой эскимо для своих защитников, для поперечно-полосатых боксёров. Как только Дима вышел в таком виде из дачи, за ним сразу же увязался один из подавляющих — Генка Смирнов с собакой. Ясно, что караулил, как будто ему делать больше нечего. Смирнов свистнул, и тут же из кустов к нему подбежал рыжий Печёнкин. Они пошептались о чём-то между собой и проводили Диму до кинотеатра. По дороге к ним присоединились ещё двое. Дима остановился возле входа в кинотеатр, поближе к контролёрше. Оглянулся. Травки ещё не было. Степан Комаров тоже ещё не появился. Осмелевший в четыре раза, Смирнов бросил в сторону Димы счетверённый взгляд, в котором крутилось что-то вроде таких невидимых слов: «Подозрительно! Подозрительно! Вырядился, плюс букет цветов, плюс коробка в руках, плюс свёрток, плюс независимое выражение лица». На лице Смирнова было написано: «А что, если мы сейчас устроим минус коробка, минус свёрток, минус... что у тебя там в карманах? Плюс десять шалобанов по лбу!»

Тогда Дима небрежно приблизился к подавляющим и сказал, обращаясь к Витьке Молчунову:

— Сбегай за Комаровым!

— Как это сбегай? — возмутился Молчунов. — Зачем?

— Затем...—сказал Дима.—Затем, что через некоторое время ваша подавляющая машина будет сломана!

— Ка-ка-кая ма-ма-шина? — заикался Печёнкин. Он всегда заикался, когда злился.

Подавляющие переглянулись. Витька Молчунов бросился за Комаровым.

— Смирнов, пока не поздно, учись у Печёнкина заикаться со страха,—сказал Дима.—А так же учи-тесь пока у этой своей дворняжки высовывать языки!

— Па-па-па-че-му? — спросил Печёнкин.

— Па-па-па-та-му,—передразнил его Дима,— что скоро вам всем будет сначала жарко, а потом холодно... Сейчас за меня придут заступаться сразу три боксёра.

Дима взглянул на часы. Травка и три её боксёра должны были появиться с секунды на секунду. Не опоздали бы, а то эскимо уже начало таять.

Комаров, между прочим, тоже вот-вот появится.

Травка и Комаров появились за деревьями с разных сторон одновременно. Комаров шагал в сопровождении Витьки Молчунова прямо по направлению к Диме. Дима спокойно повернулся спиной к ним и двинулся к спасительной Травке, к Гешке, к Кешке и Прошке. И чем ближе он подходил к Травке, тем всё тяжелее переставлял свои ноги. Ни Гешки, ни Кешки, ни Прошки, никого из них, кого он больше всего хотел видеть, за Травкой не было. Они не пришли на свидание. Дима ещё смотрел с надеждой сквозь Травку: может, они отстали, может, они за деревьями? Но радостный Тошкин голос сообщил:

— Здравствуйте! Я пришла одна! У Гешки и Кешки тренировка, а у Прошки что-то с желудком!

Пришла одна, да ещё радуется, да ещё расфуфырилась. «Всё,—решил Дима,—я сейчас ей скажу, что я её ненавижу. Обманщица! Так подвести своего...» Кем он ей приходится? И ещё эта дурацкая кость под мышкой, и мороженое начинает таять в коробке. Тошку и Диму тут же окружила компания подавляющих.

— Заикаться, говорит, учитеесь у Печёнкина,—сказал Смирнов.

— И язык, говорит, высовывать у Шарика, а то,

говорит, вам всем жарко будет! — добавил Молчунов Виктор.

— Так,—сказал Комаров, глядя на букет.—Это всё цветочки, а ягодки у него в коробке и вот в этом свёртке.

В это время Печёнкин рассмотрел сквозь целлофан кость в пакете.

— Мя-мя-мя-со...—удивлённо заикнулся Печёнкин.

— И мороженое,—сказал Витька Молчунов, приоткрывая коробку у Димы в руках.

— Цветы, мясо и мороженое? Непонятно... непонятно...

— А чего тут непонятного? — сказал Комаров.— Цветы для меня, мясо для собаки, а мороженое для всех!

Подавляющие прямо из коробки стали есть мороженое, черпая его руками, а потом Комаров вдруг сделал такое движение, как будто хотел вытереть руки о Димино лицо. И тут Тошка схватила Комарова за руку.

— Не трогайте его! — сказала она грозно.

— Это почему «не трогайте»? — каким-то писклявым голосом сказал Комаров и протянул руки, чтобы всё-таки вытереть их о Димино лицо. Но Травка вдруг так ловко его мотнула за руку, что он чуть не упал было, и тогда Комаров замахнулся на Травку.

И здесь случилось что-то для Димы совсем непонятное. Он сам, без всяких там поперечно-полосатых мышц треснул костью в целлофане Комарова по голове, ударил снизу коробку с эскимо, которую держал Печёнкин, и мороженое залепило Печёнкину всю физиономию. А Молчунова он ткнул букетом в нос... А Смирнов от него сам попятился... Комаров успел только заорать, что он вот сейчас даст, — Травка подсекла ему ногу, рукой толкнула в грудь, и Комаров шлёпнулся. Все оцепенели сначала, а потом бросились на Травку с разных сторон.

— Не трогайте её,—шипел, как картошка на сковородке, Смирнов,—не трогайте, у неё братья — разрядники, боксёры... Разрядники они! Разрядники! — вопил Смирнов, придерживая за ошейник лающего Шарика.

— Я тоже разрядник,—проговорила Тошка, разбрасывая подавляющих по траве.—По самбо... И ещё каратэ знаю.

Подавляющие вскакивали и один за другим отступали за угол кинотеатра. Тошка и Дима остались одни. Запыхавшаяся Травка отряхивала с джинсов пыль и хвойные иголки. А Дима молча смотрел в землю. Когда Тошка привела себя в порядок и торжествующе поглядела в ту сторону, куда подавляющие скрылись, Дима сказал виновато:

— Вот... Травка... Я должен извиниться перед вами, я вам вчера всё про знакомство с вами врал.

— Врали? — донёсся до него удивлённый голосок Тошки.

— И про дружбу тоже вчера врал... То есть не то чтобы врал...

— Врал? — горестным эхом откликнулась Тошка.

— Я вообще врун... жуткий врун... У меня и прозвище Соври-голова... Капитан Соври-голова, может, слышали?..

Тошка повернулась и медленно пошла от Димы. Тогда он пошёл за ней.

— А сегодня я не вру,—сказал Дима,—ни про дружбу, ни про знакомство.

— Не провожайте меня,—сказала Тошка.

— Я не провожаю...—сказал Дима,—я просто так...

Тошка удивлённо и грустно смотрела на Диму.

— Конечно, я некрасивая...—сказала Тошка, хотя она была, по мнению Димы, такая красивая в эту минуту.—Мне, конечно, можно врать... не врут только красивым...—прошептала она со слезами на глазах, как показалось Диме.

Они стояли друг против друга. И Травка почему-

то неожиданно засмеялась, безо всяких слёз. Радостно так засмеялась и сказала:

— Они вам синяк поставили.—Тошка достала зеркальце, и Дима увидел в нём действительно синяк.

Настоящий синяк, синий не от чернил, а совсем от другого. Это его ещё больше обрадовало.

— А вы знаете,—сказала Тошка,—хотя у вас и нет поперечно-полосатых мышц, вы смелый!

— Это почему же? — не поверил Дима.

— А потому, что только храбрец без всяких мышц может броситься первым защищать девочку, вы же не знали, что я самбо знаю... Вы ведь не знали?

— Не знал,—сказал Дима.—Честно, не знал.

— Вот!—снова счастливо засмеялась Тошка.— И вы вовсе мне не врёте? Ну, теперь не врёте?

— Не вру,—обрадовался Дима,—честно, не вру!

Травка что-то ещё хотела сказать, но махнула рукой и побежала. А Дима остался стоять на месте. Потом она обернулась и крикнула:

— И вы вообще не врун! Вы фантазёр! Жуткий фантазёр!

Она уходила всё дальше и дальше, и чем дальше она уходила, тем больше Диме казалось, что он со- врал Тошке только о том, что не знает, что такое дружба между мальчиком и девочкой. Ему казалось, что с этой минуты он что-то об этом уже знает... Это когда у тебя нет поперечно-полосатых мышц, а ты заступаешься смело за девчонку.

— До свиданья, капитан,—доносилось до Димы издали.

— До свиданья! — крикнул он вдаль каким-то совсем незнакомым для себя голосом.

*КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ НАШЁЛ КЛАД,
ИЛИ ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА*

Перед ужином Димина мама сказала ему:

— Если ты не выкопаешь ямы под кусты черёмухи, которые ты обещал выкопать ещё неделю тому назад, то завтра не проси денег ни на кино, ни на мороженое.

Вообще-то выкопать несколько ям для кустов — не

задача для такого мужчины, каким себя показал Дима там, возле кинотеатра, где он назначил свидание симпатичной Тошке. Здорово он там разделался с подавляющими. Точнее, не он один, а они с Травкой. Но одно дело заступаться за кого-то, другое — за себя. За себя заступаться не так интересно, подумал он, прислушиваясь за столом к разговорам взрослых.

— А вот ещё какой был случай,—сказал папе сосед по даче.—Ремонтировали старый дом. Представляете? Печь разворотили — представляете? А там золото и бриллианты — представляете?

— Представляю,—сказал папа.

— Или вот ещё... — С этими словами сосед достал из кармана вырезанную, вероятно, из газеты заметку и стал читать её вслух: — «...Восемь кирпичей золота». Представляете? «По телефону от собственного корреспондента из Ленинграда... Строители заменяли пол в универмаге «Гостиный двор». Лом ударился о твёрдый предмет». Представляете? «Это оказался слиток металла величиной с небольшой кирпич. На слитке номера и русские буквы. Тут же нашли ещё семь таких кирпичей». Представляете?

И здесь Диме вдруг стало ясно, что он вполне может выкопать ямы для черёмух, не опасаясь насмешек со стороны подавляющих. Скажет: «Ищу клад!» И романтично и вообще похоже на правду. Доев котлету и допив чай, Дима встал из-за стола и почти бегом пересек двор и скрылся за акациями. Кусты поглотили голос соседа, что-то ещё рассказывающего про какой-то клад.

Войдя в круг, очерченный извёсткой, с цифрой девять посередине, он крепко ухватился за черенок лопаты и, раскачав её, вытащил из земли. Поплевав на руки, Дима вонзил было лопату в землю, как услышал за спиной какой-то шорох. Он оглянулся и увидел Комарова.

— Бригада кому нести чего куда... — сказал Комаров.

«Начинается»,—подумал уныло Дима.

— Чего это он? — спросил Молчунов.

— В Америку хочет прокопать ход, чтобы сбежать от нас,—пояснил Печёнкин.—Эй, капитан! — крикнул он, но Дима продолжал копать, не обращая на подавляющих никакого внимания.

— Да это он могилу себе роет...—захохотал Молчунов.

Дима, сжав зубы, молча продолжал рыть землю.

Тогда вмешался Комаров. Он очень ехидно спросил:

— Эй, капитан, а что это вы там роете?

— Да так... Клад ищу...—негромко сказал Дима.

Комаровцы о чём-то посоветовались за забором.

— А кто тебе сказал, что здесь зарыт клад? — спросил насторожившийся Комаров.

— Дед один,—сказал Дима.—Купец здесь жил до нас. Жутко богатый... Перед революцией он сам дачу поджёг, а золото закопал на этой поляне.

— А карта есть? — спросил Комаров.

— Карта у деда,—сказал Дима, орудуя лопатой, как заправский кладоискатель.

На этот раз подавляющие шептались так долго, что Дима не выдержал, достал из кармана сантиметр и стал отмерять расстояние от ямы до куста и от куста до ямы.

— Может, помочь? — спросил наконец Комаров, перепрыгивая через заборчик.

— Что помочь? — спросил Дима, настораживаясь.

— Клад искать...—сказал Комаров, доставая из кармана пятак. — Только, конечно, не так просто, а за деньги.—С этими словами он вставил пятак в глаз, словно стекло от очков.

— Конъюнктивит будет,—сказал Дима, которого просто в жар бросило от такого неожиданного предложения. В лучшем случае он рассчитывал на то, что они не будут дразниться.—Да что вы, ребята,—

сказал он,—я же пошутил... Я для черёмухи ямы рою...

— Темнишь? — прошептал Комаров.—Один хочешь всё золото заграбастать?

— А знаешь, что такое амёба? — спросил Витька Молчунов, подступая к Диме с другой стороны.— Амёба сказала, что бог велел делиться. И разделилась пополам. Потом ещё раз пополам. Проходил в школе?

Вообще-то Дима очень удивился. Сначала он сказал неправду, и ему поверили. Потом сказал правду, тогда ему не поверили. Что же говорить теперь?

— А с кустами черёмухи ты это хорошо придумал,—сказал Комаров.— Ещё в доме кто-нибудь про клад знает?

— Нет,—сказал Дима.— В доме все знают только про кусты черёмухи.

— Очень хорошо,—сказал Комаров.— Значит, так и будем темнить. Кто что спросит, ты копаешь ямы под черёмухи, а мы тебе помогаем.

Дима поставил ногу на лопату и ещё раз внимательно взгляделся в лицо Комарова — может, он его всё-таки разыгрывает? Но Комаров был серьёзен. И глаза у него были умные. Умные глаза умного мальчика. Круглые глаза круглого отличника. Только изредка, когда он шнырял взглядом по саду, в глазах у него поблёскивало что-то красное, как у кролика.

— Как делить будем? — спросил Комаров.

Дима пожал плечами. Такая задача была не под силу даже самому распрекрасному учителю математики — разделить несуществующий клад.

— Давай пополам! — сказал Комаров.

— Как это пополам? — удивился неожиданно для себя Дима — вот ведь какое нахальство! Хотя и нету клада, но как это вдруг пополам.

— Секрет, конечно, твой,—пояснил Комаров.— Но зато нас трое, а ты один. Поэтому делим так: пятьдесят процентов клада тебе, пятьдесят процентов — нам. Из них тридцать мне, а но десять — Молчунову и Печёнкину.

— Справедливо! — воскликнули Молчунов и Печёнкин, подступая к Диме и одновременно хватаясь за черенок его лопаты.

— Вы вот что, вы не хапайте! — заявил Дима после небольшой паузы всем троем, чтобы они сразу не поняли, что он имеет в виду: не хапайте лопату или проценты.—Дело миллионное! Надо всё взвесить и обдумать.

Подавляющие сняли руки с черенка лопаты, а Дима напустил на себя такой вид, как будто бы он и вправду производил в уме какие-то вычисления. (Он решил, что чем больше он будет торговаться, тем правдоподобнее будет выглядеть всё, что за этим последует.) И здесь в его голове произошла вдруг такая необъяснимая вещь — ему показалось, что в разделении несуществующего клада есть какая-то несправедливость... И вообще почему — несуществующего? Вот сосед говорил — находят же! То тут, то там! А вдруг...

— Значит, пополам! — прошептал Молчунов.

— Ишь вы какие! Пополам! Двадцать процентов я уже обещал деду! Мне самому нужны деньги. А остаётся от деда только восемьдесят! Из этих восьмидесяти процентов я могу обещать вам только двадцать!

— Не жмись,—сказал Комаров.—Давай весь угол!

— Какой ещё угол? — удивился Дима.

— Угол — это двадцать пять процентов,—объяснил Молчунов.

Для вида Дима ещё немного «пожался». Потом махнул рукой и проговорил:

— Ладно, только сначала принесите извинения...

— Это ещё за что? — начал было Комаров.

— Возле кинотеатра вы посмели оскорбить одну мою знакомую... хорошую знакомую,—добавил Дима.

— Извиняемся,—сказал Комаров.

— И деньги надо вернуть,—сказал Дима,—те, что вы у меня в долг брали.

— Нет денег,—сказал Комаров.

— Подпрыгни,—сказал Дима.

Комаров подпрыгнул, и в кармане у него зазвенела мелочь. Пришлось вернуть долг,

«Жалко, Тошка не видит»,—подумал Дима и громко сказал:

— Ладно, грабьте!

Итак, из ста процентов, может быть, существующего клада Диме принадлежало, может быть, целых семьдесят пять. Диму это здорово обрадовало, хотя какая разница, сколько процентов из ничего тебе принадлежат. Девяносто девять или один?

— Учтите,—сказал Комаров своим помощникам.—Угол делим так: мне пятнадцать, вам—десять на двоих. Чтобы потом не было разговоров.

Молчунов и Печёнкин сбегали за лопатами, а Дима с Комаровым уселись рядом на гранитном камне с загадочными знаками. Дима скрестил руки на груди.

— Десять кругов? С какого начинать? — спросили Диму Молчунов и Печёнкин.

— Неужели не понятно? — с преувеличенным удивлением сказал Дима.— Простейший шифр. Вероятно, клад спрятан в круге под цифрой один. Если там клада не будет, вероятно, он закопан в круге под номером два. И так далее.

Молчунов и Печёнкин вонзили лопаты в первый круг. Дима с Комаровым стали наблюдать за их работой.

— Димка! — раздался за спиной голос сестры Зинаиды.—Вот я сейчас папе скажу! Ты помнишь, что тебе папа приказал?

Дима прижал палец к губам, поясняя мимикой следующее: я всё помню, что я сам, в педагогических целях, во что бы то ни стало, все ямы своими руками!

— Сейчас приду и приведу папу! — сказала Зинаида.

Если Зинаида приведёт папу (а она приведёт, это уж точно!), то Дима знал — ему придётся, без всяких отговорок, своими руками.

— Зин,—сказал Дима.—Хочешь, я тебе открою одну тайну! Так и быть... Дело в том, что мы копаем... не ямы для кустов... а мы... это... ищем...

— Что вы ещё тут ищете? — спросила Зинаида с таким выражением, как будто она всё ещё находилась на пути к папе.

— Только дай слово, что могила!

— Ну, могила! — сказала Зинаида.

Дима оглянулся. Комаров смотрел на него, угрожая сжав кулаки.

— Клад мы ищем, вот что!

— Какой клад? — удивилась Зинаида.— Глупости ещё! — И, мотнув головой, она скрылась в кустах.

— Мне кажется, ты ей зря про клад трепанул-ся,—процедил сквозь зубы Комаров.

— А по-твоему, было бы лучше, если бы сюда пришёл мой отец и взял это дело в свои руки? И потом, она всё-таки мне родная сестра!

— А претендовать она не будет? — спросил Комаров.

— На что претендовать?

— На долю от клада...

— С чего это она будет претендовать? — возмутился Дима.—У нас в стране такой закон — кто не работает, тот не ест!

— Ну, как? — спросил Комаров Молчунова, когда тот, скрывшийся в первой яме по пояс, перестал махать лопатой.

— Пока ноль-ноль,—сказал Молчунов.

Дима подошёл к первой яме, заглянул внутрь, посветил фонариком, и решил, что в такой глубокой яме можно сажать уже не черёмуху, а целый дуб, и сказал:

— Попробуйте во втором круге... Дед говорил, что клад зарыт не шибко-то глубоко.

Витька Молчунов уже хотел вылезать из ямы, как вдруг, копнув последний раз, сдавленным голосом крикнул:

— Есть!

— Что есть?

Комаров поднялся с травы и в два прыжка оказался возле ямы. С фонариком в руках он упал на колени. Дима тоже суетливо вытащил из кармана электрический фонарик. Три луча света, направленные с разных сторон, скрестились у ног окоченевшего от неожиданности Виктора. На дне ямы лежали две тусклые золотые монетки.

— Золото,—тихо прошептал Комаров и хотел нагнуться, чтобы поднять их, но Печёнкин вдруг схватил его за шиворот.—Я сам! — сказал Комаров, слезая в яму.

Тогда Дима тоже схватил Комарова за воротник.

— Это почему же ты сам? На моём участке работаете, а не на своём. Здесь я хозяин. Тут я сам — сам!

Толкнув Диму в грудь кулаком, так что он и на ногах не удержался, Комаров схватил монетки вместе с землёй и зажал их в кулаке.

Диму охватила дрожь. Ну, надо же! Теперь не нужно будет унижаться перед родителями, выпрашивать у них каждый день деньги на мороженое, на кино и вообще.

— Да это не золото! — неуверенно, вдруг упавшим голосом проговорил Комаров, разжимая пальцы и разглядывая монетки при свете фонарика.— Это наши одна и две копейки! Это кто же их тут зарыл?!

Комаров молча схватил Печёнкина за пиджак и сунул руку ему в карман. Вывернул подкладку. Указательный палец Комарова вылез через дырку в кармане пиджака.

— Ах ты, карманная дырка! — сказал он, ударяя Печёнкина по лбу кулаком.—Не носи деньги в дырявых карманах, не носи!!

— Деньги к деньгам,—сказал Печёнкин, не обращая внимания на комаровский кулак.—Хорошая примета!

Сказав это, Печёнкин молча схватил лопату и побежал к третьему кругу. То же самое сделал и Молчунов.

Дима с Комаровым уселись рядышком, освещая фонариками землю. Диму било в лихорадке какое-то предчувствие. В конце концов, многие же клады были найдены совершенно случайно! И эти подавляющие могут найти. Случайно! На территории дачи Колчановых, как написали бы в газете.

— Слушай! — зло сказал Комаров.— Ты, капитан Сого! Если ты хочешь получить свои с дедом проценты, так чего сидишь как вкопанный, сложа руки? Ты что — клад?

А Диме только этого совета и надо было. Поэтому он вскочил и, всё время оглядываясь назад — как бы этот клад не нашли без него, — помчался в сарай еще за одной лопатой.

— Между прочим,—сказал он Комарову, вернувшись рысью, с лопатой на плече,—на твоём месте я тоже взял бы в руки какую-нибудь мотыгу.

— Это ещё зачем?

— Когда деньги появятся на свет, ещё неизвестно, как твои парни поделятся с тобой!

— Это ещё почему? — започемукал Комаров.

— Потому что потому! Потом увидишь — почему! Ты что — фильмы про клады не смотрел?

Когда Дима выбросил из четвёртого круга десять или двенадцать лопат земли, из темноты вдруг возникла Зинаида. От нервного напряжения и непривычной работы с Димы пот лил в три ручья. Сердце колотилось не в груди, а где-то в голове. Зинаида предстала перед кладоискателями в джемпере и брюках, у неё тоже была лопата.

— Ты это чего? — спросил Дима.

— Как чего? Я тоже клад искать буду!

Из темноты сада доносился лязг лопат и приглушённые голоса подавляющих.

— Ишь ты какая,—зашипел Дима на Зинаиду.—Как сажать черёмуху, так, ах, мне нельзя лопату в руки брать, ах, мне нельзя на лопату ногу ставить! А как клад искать, так, ах, мне всё можно!

— А сколько ты им обещал? — не обращая внимания на всё это, спросила Зинаида.

— Угол,—сказал Дима.

— Какой ещё угол?

— Ну, двадцать пять процентов.

При этих словах Зинаида схватилась за голову.

— Расточитель! Растяпа! Если бы мама узнала, что ты этим бродягам отвалил столько денег!

— Не хватает,—сказал Дима,—чтобы ты ещё и маму посвятила в этот клад! И папу... Хотел бы я знать тогда, что мы увидим от этого клада!

— Да ты знаешь, что такое клад! — зашипела Зинаида.—Да если мы найдём этот клад, это всё равно что мы откопали свой детский стадион возле нашего района!

— При чём тут детский стадион?

— Как при чём? Найдём клад и сдадим его государству. С условием, чтоб нам детский стадион построили. А то приходится на фигурное катание куда кататься? За тридевять земель?

— При чём тут фигурное катание?! — завопил Дима.

— А при том!—Зинаида полезла в карман и достала какую-то бумажку.—Вот я уже такое заявление написала! И ещё записку составила: вчера на территории дачи Колчановых был выкопан клад. Местные жители сообщают, что бежавший за границу купец... ну, и так далее...

— Да ты с ума сошла! — лихорадочным шёпотом сказал Дима.—Меня же эти подавляющие убьют!

Мы же договорились всё разделить между собой! И потом, я тоже протестую! Я этот клад ищу для себя, а не для твоего дурацкого стадиона! Я сколько ещё буду зависеть от папиных подачек? Я протестую! В конце концов, я первый узнал про клад!

Когда Дима говорил эти слова, он уже совершенно верил в то, что и правда что-то про клад знает.

— Поздно протестовать, — прошипела Зинаида.— Поздно!

— Золото! — раздался вдруг приглушённый крик Печёнкина.

Дима выбрался из ямы и следом за Зинаидой побежал к Печёнкину. Все собрались вокруг его ямы. Под светом луны и фонарей на дне ямы блеснул золотой бок самородка.

— Как будем делить? — спросил Молчунов.

— Что значит — как делить? — сквозь зубы спросил Комаров.—Делить будем, как договорились — пятнадцать процентов мне, а десять вам.

— Держи карман шире! — сказали в один голос Печёнкин и Молчунов.

— Мы вкалывали, а ты это дело перекуривал! — заорал Печёнкин.

— Делить — так всем поровну! — сказал Комаров.—Так? Бунт гарнира?

— Подумаешь, какой бифштекс нашёлся! — крикнул Молчунов.

Схватив Молчунова за воротник рубашки, Комаров вытащил его из ямы и бросил в кусты. Тогда, стоя в яме, Печёнкин схватил Комарова за брюки и дёрнул на себя. Комаров упал в яму. Прямо на её дно. И тут они стали, ругаясь, дубасить друг друга.

Воспользовавшись дракой, Дима сунул Зинаиде в руки фонарик, спрыгнул в яму и стал осторожно освобождать из земли брусок золота. Действуя то лопатой, то рукой, он отрыл брусок почти наполовину и вдруг увидел — какая-то ручка появилась! Да и

брусок какой-то круглый! Покопавшись ещё немного, Дима осторожно потянул за ручку клад на себя и вытащил на свет... самовар. Старинный пузатый самовар.

— Самовар...—сказала Зинаида разочарованно. Подавляющие перестали драться.

— Самовар...—прошептали вместе Печёнкин и Молчунов.

— Самовар,—промямлил Дима.

— А дед твой, кажется, не наврал про дачу купца,—сказал Комаров. Он поскрёб над краном самовара, и все увидели на боку несколько тиснёных медалей.—Самовар-то купеческий! Теперь таких не делают! Поиски продолжаются! — сказал Комаров.— Дайте и мне лопату.

— А клад делим поровну? — опять заныл Печёнкин.

— Как это поровну! — возмутилась Зинаида.

— Деду шиш!—заявил Комаров.—А остальные на пять частей. И баста! Две части вам, остальные три — нам!

— Это почему же нам две части? — опять возмутилась Зинаида.

— Потому что вас всего двое работают!

— Я вообще больше не работаю, пираты!—заявил неожиданно Дима.—Глупости всё это! Нет тут никакого клада. И деда никакого нет. И не было. И купца не было с его дачей. Я ямы для черёмух рыл, а не клад искал, я только так сказал, что клад ищу, а вы, дураки, поверили!

— А самовар?

— А я его сам тут закопал... То есть я не закопал, я его просто так бросил, а когда дорогу делали мимо нашего сада, так его и засыпали, наверное, вот... Я его хотел в утиль сдать на цветные металлы, а его тут землёй засыпали, я не успел! Вот...

Главное, Диме сейчас самому ужасно вдруг стало стыдно за то, что пережил тут с этой самой выдумкой какой-то приступ, какой-то вроде болезни, что

ли, золотой лихорадки с температурой, как при гриппе.

— Всё,—повторил Дима громко,—я больше в этой золотой лихорадке не участвую!

Подавляющие переглянулись.

— Хочет, чтобы мы ушли,—сказал Комаров.—Хитёр! Мы уйдём, а они тут вдвоём, без нас! Продолжать! — скомандовал Комаров.—Полдела сделано, я не из тех, кто отступает... и тем более — уступает!

— Прощайте, пираты...—устало сказал Дима и, еле переставляя ноги, двинулся к даче.

А Зинаида осталась. Она вроде и поверила и не поверила. Наверное, больше не поверила, чем поверила, раз осталась.

...Утром Дима с папой вышли на крыльцо. Вместо девяти ям было вырыто около восемнадцати. Папа даже присвистнул от удовольствия.

— Можно же при желании...—сказал он.

— При желании найти клад,—пояснил Дима.

— Какой клад?

И Дима рассказал папе про клад и про всё остальное.

— Чтoб интересней копать было...—пояснил Дима.

— Ну, молодец! — пришёл папа в восторг.—Какой сообразительный человек! Здорово про клад придумано! Теперь насажаем кусты и деревья, у нас тут настоящие джунгли будут! Молодец твой дед! Кстати, это что за дед?

— Какой дед? — изумился Дима.— Я всё это сам придумал!

— К чужой славе хочешь примазаться?

Дима хотел возмутиться ещё больше, но в это время к ним подошёл участковый милиционер.

— Тут поговаривают, что на вашей территории вчера клад нашли,—сказал участковый.—Закон знаете? Нашли—надо сдать. А премию, конечно, получите — тоже по закону.

Какой клад? Какая премия? — вскипел папа. — Это дед какой-то про клад придумал, чтобы мальчишкам было интереснее ямы копать. Ямы под кусты мы рыли!

— Моё дело напомнить, — сказал участковый. — Сдать надо клад. — И он пошёл к калитке.

— Так это ты придумал всё-таки? — продолжал кипеть папа.

— Это не я, — сказал спокойно Дима. — Это дед. Он тут мимо нас в электричке проезжал!

— Ну, пусть только ещё раз проедет! — сказал папа.

*КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ СТАЛ ЧЕМПИОНОМ,
ИЛИ ФОСФОРИЧЕСКИЙ
МАЛЬЧИК*

Солнце лежало на полу большими квадратами. В каждый квадрат упирался как бы слоновой ногой широкий луг. Громадный солнечный слон стоял между классной доской и партами и весь сверкал мерцающими, летающими, плавающими пылинками. Что-то тропическое

было в классе ещё и от теней старого плюща в углу.

— Так вот,—сказал капитан Соври-голова, сокращённо капитан Сого, он же Дима Колчанов,—в африканской пустыне эти самые арараты...

— Какие арараты? — поправил очки химик Шура Гусев, любивший точность. — Какие ещё арараты? Арарат — это гора на Кавказе. Вечнозаснеженная гора с вечнозелёной растительностью.

— Ха! — сказал Дима Колчанов.—Гора! Крестьян так зовут африканских — арараты!

— Их зовут ораторы, кажется,—робко вставила застенчивая Наташа Рыбкина,—или, как их, оратории... то есть нет...

— Арабы...—зевнул Костя Стрельников, которого никто ничем не мог удивить, даже сам капитан Сого.

— Арабы — это вообще... это нация...—сказал Дима Колчанов,—а арараты — это крестьяне... они копают землю кайлой и едят сушёных кузнечиков.

— От сушёных кузнечиков араратом не станешь,—возразил Шура Гусев.—А-а, вспомнил! Их зовут аратами!

— Какая разница? — сказал Дима, разглядывая прищуренными глазами солнечного слона, слегка переместившегося к дверям.—Араты или арараты? Важно, что они едят! Так вот, я насушил кузнечиков и...

Но никто так и не успел узнать, что сделал Дима Колчанов с сушёными кузнечиками. В пятый «А» влетела Света Брунова с криком ужаса:

— Ребята! Этот новенький, который Сорокин, обыграл всех в шахматы! Весь наш пятый «Б»! Он обыграл ещё и весь свой пятый «В»!

Даже солнечный слон от такого известия вздрогнул — золотые пылинки так и запрыгали в нём. Дима Колчанов спросил с ехидцей:

— В поддавки, что ли, играли?

— Ты что? — вскричала Света. — Шутишь?! А он сюда, между прочим, движется! С шахматной доской, между прочим! И с сопровождающими лицами!

В классе стало тихо. Голос Светы звенел уже в коридоре. Новость о потрясающих победах новенького неслась по школе со скоростью Светы.

— Так вот,—сказал Дима Колчанов, поудобнее устраивая ноги под партой и возвращаясь к африканской теме,—когда мне было четыре года и мы жили в одном из глухих районов Конго...

— Ну, даёшь! — зевнул снова Костя Стрельников,—Так я и поверил!

— Кто не верит, может выйти,—сказал Дима,—я не держу... Значит, в Конго...

Раздался грохот, как будто кто-то ударил в боевой африканский барабан. Саня Петушков, староста пятого «В», гремя шахматами в коробке, появился в дверях. За ним встал некий мальчик, худенький и строгий, и с любопытством исследователя посмотрел, как всем показалось, на капитана Соври-голову.

— Вызываем! — сказал Саня Петушков, ликуя.—Бросаем, то есть, вызов!

— Куда? — спросил Дима.

— Чего — куда? — удивился Саня Петушков. В коробке над его головой шахматы тихонько рычали, перекатываясь из угла в угол.

— Куда бросаете? — холодно спросил Дима.

— Как — куда? Вам бросаем! Вызов!

— Пробросаетесь...—сказал Дима.—И вообще мы заняты! Прошу закрыть дверь! Так вот, в этом Конго...

— Струсили! — сказал Саня Петушков, оглядываясь на всепобеждающего Сорокина.

Шура Гусев возмутился:

— Да он, этот твой новенький, знает, кому вы тут... вызов бросили? В прошлом году кто у нас был чемпионом? Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом!

— А теперь будет Семён Иванович Сорокин! — сказал Петушков.

— Ай, пешка, знать она сильна, коль лает на слона! — засмеялся весёлый и находчивый Туркин, поднимаясь во весь свой высокий рост.

Он посмотрел на Сорокина сверху вниз и сказал, как Суворов о Наполеоне:

— Далеко шагает, пора и унять молодца!

— И уйму! — сказал Дима, тоже поднимаясь из-за парты. — Я его прямо сейчас уйму! Для начала я дам ему фору! И в придачу королевский гамбит! А потом фишками закидаю!

В класс уже стекались все, кого победил и ещё не победил Сорокин.

— Правильно, капитан! — кричал пятый «А». — Дай этому Сорокину гамбитом по организму!

— Сорокин! Не трусь! — кричал пятый «В». — За одного гамбитого двух негамбитых дают!

— Зачем по организму? — сказал Дима. Он вырвал шахматную доску из рук Саши Петушкова и потряс ею сам. — Я его по самому слабому месту! Я его по мозгам!

— Начнём, — спокойно сказал Сорокин.

Весёлый Туркин пропел:

— Начнёт-ом, пожа-алуй!

Сорокин, видно, не хотел терять ни минуты, потому он тут же достал из портфеля книжку Симагина «Атака на короля» и разложил на подоконнике доску.

— Заглядывать в книжку будем? — спросил Дима.

Сорокин молча расставлял фигуры. Дима Колчанов долго и задумчиво смотрел на него. Сорокин, ероша жиденькие волосы, просмотрел несколько этюдов на разных страницах.

— Хорошо... — проговорил Дима, вздохнул и отправился... в буфет.

Солнце зашло за тучку, солнечный слон исчез, тропические тени погасли.

— Ну вот... — вздохнула Наташа Рыбкина, грустно глядя вслед капитану: ей очень было жаль, что так она ничего и не узнала о Конго.

Шура Гусев догнал Диму Колчанова уже в буфете.

— Ты что? — спросил он его. — Раздумал?

Дима купил три бутерброда со шпротами.

— Ты почему сейчас занимаешься тем, что ничем не занимаешься? — горячо прошептал Шура в ухо Диме.

— Как это ничем? — проглотив кусок бутерброда, сказал Дима. — Как это ничем?! Я заправляю фосфором свои мысли!

— А почему ты не готовишь их к бою? — спросил прямодушный Коля Николюкин.

— Потому, что самое главное в мысли — фосфор! Школьный календарь читать надо! — сказал Дима, доставая из кармана листок. — Вот — «Фосфор — элемент жизни и мысли», — прочитал он вслух название заметки. — Элемент мысли! Улавливаете? Своей, а не вычитанной у Симагина!

Все вопросительно посмотрели на химика Шуру. Шура подумал и сказал:

— Вообще-то фосфор — сила! Это точно!

— Значит, чем больше его ешь, тем больше готовишься? — спросил Николюкин.

— Точно! Без фосфора — никуда!

— Факт! — согласился простодушный Николюкин. — Ведь у нас в голове тоже есть фосфор!

— Фосфор — он тоже разный бывает! — сказал тогда Дима. — Первого сорта. — Он погладил себя по голове. — И третьего. — И он погладил по голове Николюкина.

Сорокин вместе со своей доской переместился в свой класс и там теперь листал книжку Симагина «Атака на короля». А Дима Колчанов всю вторую перемену жевал бутерброды, и третью, а на четвёртой он жевать почему-то перестал, он просто сидел за партой и выворачивал карманы.

Пятый «А» почти в полном составе сходил к дверям пятого «В» — Сорокин всё ещё читал Симагина.

— Капитан, — сказал пятый «А» Диме Молчанову, — он читает, а ты почему-то не ешь? Ты что, перестал готовиться?

Дима развёл руками:

— Деньги кончились!

— Так можно и проиграть... — сказал Туркин, перестав быть весёлым. Но он был ещё и находчивым и потому сказал: — Давайте денежки! Организуем фосфор в складчину!

Всем классом побежали в буфет и купили шесть последних бутербродов со шпротами, а ещё один выпросили у Кольки-футболиста (ему фосфор всё равно не нужен). Дима принял бутерброды с мужеством борца, готового на жертвы, и стал усиленно готовиться к матчу не только на переменах, но и на уроках. Сорокин не выпускал из рук книжку Симагина. Матч перенесли на завтра.

— А дома ты тоже будешь готовиться? — спросил Диму пятый «А» после занятий.

— Не знаю... — неуверенно сказал Дима. — У нас мясной обед...

— Тогда идём готовиться к нам, — предложил Коля Николюкин. — У нас уха, папа вчера был на рыбалке.

— А вечером можешь готовиться у нас, — сказал Туркин. — У нас жареная рыба.

Дима Колчанов охотно согласился. У Коли Николюкина за обедом он «проработал» уху из ершей, а вечером у Туркина «усвоил» за ужином жареную рыбу...

Утром следующего дня Диму в классе ожидал сюрприз. Под страшным секретным воззванием «Все силы на фосфоризацию капитана Сого!» пятый «А» притащил в портфелях всякую всячину: и рыбные пироги, и бутерброды, и даже несколько банок консервов. Сорокин жадно доглатывал последние страницы «Атаки на короля». Дима сложил приношения

в парту и стал поглощать по очереди бутерброды, пироги и консервы. Он чувствовал прилив сил. Сорокину уже казалось, что книгу «Атака на короля» написал не Симагин, а он сам. Он мог пересчитать наизусть количество запятых на каждой странице.

На последней перемене в пятый «А» вошёл «хор мальчиков» из пятого «В» и так свистнул, что в классе задрожали стёкла. Хоровой свист означал, что Сорокин к бою готов. Но Дима неожиданно заявил:

— Я не живу за счёт чужого фосфора, я накапливаю свой. Я пока не в форме!

От неожиданности пятый «А» просто охнул, а всегда спокойный Костя Стрельников неожиданно горячо удивился.

— Что значит не в форме! — закричал он, взвываясь чуть не под самый потолок. — Столько слопал всякой вся-я-я...

Если бы пятый «А» не охнул ещё раз, фосфорическая тайна выплыла бы наружу. Тем более, что «хор мальчиков» из пятого «В» сразу же спросил вразнойбой:

— Чего, чего он у вас слопал?

— Я хоч-чу ск-к-казать, — заикаясь, проговорил Костя, — он столько проглотил всяких учебных пособий...

— Ладно, — сказал староста пятого «В» Саня Петушков. — Будешь готов — свистни!

Когда «хор мальчиков» закрыл за собой дверь, химик Гусев подошёл к капитану и сказал:

— Слушай, Димыч, по моим подсчётам, ты накопил в своей башке столько фосфора, что можешь стать чемпионом мира среди пятиклассников!

— А если я чувствую, что у меня в голове ещё немного не хватает, тогда что?!

Гусев внимательно присмотрелся к Диме и сказал:

— Ладно, если не хватает... Так и быть, после уроков поведём тебя в рыбное кафе!

— А почему в рыбное? — спросил Дима.—Фосфор есть и в пирожках, и в шоколаде, и в какао!

— Ладно! — сказал Гусев.—Будет тебе какао!

И, забравшись на парту, бросил клич, как Минин и Пожарский:

— Ребята, ещё раз все деньги на разгром врага!

На площади Моссовета в кафе «Отдых» официантка принесла Диме Колчанову, Шуре Гусеву и всем остальным членам фосфорной комиссии вазу с пирожными, шоколад и какао. Весёлый и находчивый Туркин сказал:

— Что перед нами? Перед нами «плоды просвещения»! Отвернёмся?

Наташа Рыбкина проглотила слюну и повернулась к Диме боком. Комиссия мужественно уставилась в окно, стараясь не принимать к волшебным запахам, струящимся из вазы и из чашек с какао.

— Готов? — сурово спросил Шура Гусев Диму, когда ваза осталась пустой.

— Почти,—заверил комиссию Дима,—почти готов... остались самые пустяки...—В глазах у него все заметили какой-то странный, очень лёгкий блеск.

— Пойдёшь к Наташке,—решительно сказал Шура Гусев.—У них сегодня именины...

Через час Дима сидел за столом у Наташи Рыбкиной, счастливой и сияющей, и праздновал с родственниками Наташи день рождения её бабушки. В это время фосфорная комиссия в полном составе стояла на лестничной площадке и в наступающих сумерках ждала, когда Дима, по словам Туркина, окончит заниматься тортотеработками. И конец, который бывает всему в жизни, наступил.

Дима появился на лестничной площадке и огласил её громким иканием. Комиссия радостно и торжественно ахнула. В крошечной тьме круглое лицо капитана Сого излучало мягкий фосфорический свет! Оно светилось, как циферблат от часов! Над головой Димы стояло сияние синего медицинского света!

Спускавшаяся сверху старушка оглянулась и сказала:

— Свят! Свят! Свят! — перекрестилась и отвесила Диме низкий поклон.

— Завтра матч! — вынесла приговор вполне удовлетворённая комиссия.

Но капитану Соври-голове, очевидно, больше нравилась сама подготовка к матчу, и потому он спросил:

— А почему, собственно, завтра?

Наташа Рыбкина не поверила своим ушам, а Костя Стрельников, вдруг научившийся удивляться, закричал:

— Какого тебе ещё торта надо?! — и стал грозно приближаться к Диме.

— Фигу тебе! — сказал Шура Гусев.

— А в фигах разве есть фосфор? — благодушно спросил Дима, оглушённый, наверное, количеством съеденных «плодов просвещения».

— В этих нет! — ответил Гусев, поднося два кукиша к светящемуся носу капитана.—Завтра будешь играть как миленький!

— И смотри,—сказал помрачневший Туркин.— Не подгадь! Ваше сиятельство... то есть... наше сиятельство!

— На маленьком шахматном поле большое искусство живёт! — пели девчонки пятого «А», сопровождая капитана Соври-голову на бой в пятый «В».

Рванув дверь в крепость противника, тихо шелестящего разными шахматными пособиями, Дима шагнул за порог. Как тихий ветер шелестели приглушённые предбоевым напряжением голоса:

— Ж-6... Нет, нет... Е-2... Ж-6 же! Ах, ты куда тянешь пешку...

Дима после небольшой, но эффектной паузы свистнул. Это был художественный свист, в котором жажда боя и уверенность в победе сочетались с презрением к несветящемуся противнику. После этого Дима потряс над головой шахматной доской, расставил фигуры.

Сорокин, слегка бледный, с губами, сложенными жёстко, сел против Димы. Он был тускл, как запялённое стекло.

Первую партию Дима Колчанов проиграл Сорокину на десятом ходу.

Ошеломлённый пятый «А» вывел Диму в коридор и спросил:

— В чём дело?

Под гнетущее молчание своих и под ликующие крики пятого «В» Дима долго анализировал что-то в своей голове. Потом шмыгнул носом и произнёс одно-единственное загадочное слово:

— Стены!

— При чём тут стены? — спросил Костя Стрельников.

— А при том, — сказал Дима. — Мы играем в пятом «В», он для Сорокина — дом родной, а дома, как известно, и стены помогают.

— Ты не про стены говори, а говори про что предлагаешь!

— Что я предлагаю, я предлагаю играть следующую партию в нашем классе!

— А в нашем классе ты выиграешь? — спросил пятый «А».

— Ха! Если к фосфору прибавить стены — ни один Сорокин не устоит!

С криками разного характера шахматную доску перенесли в пятый «А».

Вторую партию Дима проиграл на шестнадцатом ходу...

Сорокин поднялся из-за стола бледный, если не сказать — серый. От волнения. Даже мало понимающему в шахматах было видно, какую превосходную комбинацию он провёл сейчас! Даже мало понимающий в шахматах сообразил, что это стоило ему труда! Всё-таки Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом в прошлом году не за здорово живёшь! Значит, чего-то стоил Сорокин! На этот раз Сорокина бросились обнимать и враги, и друзья. Потом его подбро-

сили несколько раз под потолок и всей орущей компанией вынесли на руках из класса.

И только химик Гусев никак не мог успокоиться. ФОСФОР — сила или не сила?! Уже одетый, с портфелем в руках и вполне уверенный, что ФОСФОР — всё-таки сила, Шура заглянул в свой класс. Там опять всю светило солнце, тропические тени от плюща трепетали на стене и солнечный слон стоял между классной доской и партами. Дима Колчанов сидел над шахматной доской, обхватив руками свою фосфорическую голову.

— Да, — сказал задумчиво химик Шура. — Видно, кроме фосфора, надо что-то ещё иметь в голове...

Он тихо закрыл дверь.

На последней парте сидела никем не замеченная до сих пор Наташа Рыбкина. Она сказала:

— Димыч, а что там дальше было... в Конго?

— Конго... — ответил, не оборачиваясь, капитан. — Конго — это тебе не шахматы... там такое было... такое...

Блisterающие, сверкающие пылинки дрогнули — как будто бы солнечный слон тихо вздохнул вместе с Наташей Рыбкиной.

— Интересно, кто это вам рассказал? — спросил меня капитан Соври-голова, прочитав рассказ.

— Ребята, — сказал я.

— Наврали, — сказал капитан. — Ни в какие шахматы я не играл. Это Сазонов играл, а я ему только листок из календаря подарил.

— Какой листок?

— Ну, с заметкой «Фосфор — элемент жизни». Листок дарил — это правда, а всё остальное нет.

— Значит, про тебя уже легенды сочиняют.

— Сочиняют, но это для меня ничего не значит.

— Впрочем, если ты про фосфор придумал, ты тоже принимал в этой затее участие.

— Да не принимал я, не принимал, — рассердился капитан. — У меня в это время дело поважнее было.

Я насторожился:

— А какое это дело?

— В космос я летал, — спокойно ответил капитан. — Только вы меня об этом пока не расспрашивайте. Тайна это... Важная тайна.

— Может быть, всё-таки... — заикнулся я.

— Может быть, — ответил капитан, поняв меня с полуслова, — может быть, но только со временем... расскажу вам и про полёт, так и быть...

— Слушай, капитан, — сказал я Диме, — а правда, что у тебя нормальная температура тридцать шесть и девять?

— Правда, — ответил Дима.

— А отчего она у тебя такая... — Я поискал слово и сказал: — Такая повышенная?

— А у вас какая температура? — ответил Дима вопросом на вопрос.

— Как у всех, — сказал я, — тридцать шесть и шесть.

— А может быть, это не у меня повышенная, — Колчанов говорил, глядя на меня весело прищуренными глазами, и щёки его при этом пылали, — может быть, это у всех пониженная, а у меня как раз нормальная?..

*КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ГОТОВИЛСЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ,
ИЛИ «КАЛОРИЙНЫЕ»
БОТИНКИ*

Однажды вечером Диму Колчанова и его сестру Зинаиду пригласила к себе в гости двоюродная сестра их мамы, а утром он уже стоял с её сыном Женькой на берегу Москвы-реки и рыбачил. Женька развёл костёр и приготовил для ухи всякую приправу, но оказалось, что есть рыбу

придётся без соли, без хлеба и тем более без каких-то там приправ, просто так. В сыром виде.

— А почему в сыром? — растерянно спросил Женька.

— Для подготовки моего второго кругосветного путешествия...—спокойно сказал Дима.

— Какого второго? — заволновался Женька.— Разве у тебя уже было первое?

— Конечно, было... Наполовину было.

— Как наполовину?

— Да понимаешь, подплываем это мы к Африке с одной стороны...

— Кто это мы? — спросил Женька.

— Ну, я и команда, на катамаране... Знаешь, что такое катамаран?

— Знаю,—сказал Женька,—лодка с двумя корпусами.

— Правильно, — сказал Дима. — Так, значит, подплываем и видим: стоит на берегу негр. А рядом с ним на хвосте стоит такая здоровая анаконда. Знаешь, что такое анаконда?

— Конечно, знаю. Змея такая, метров пять-шесть...

— Пять-шесть! А восемнадцать не хочешь? Вот они и стоят. Мы с командой совсем уже чуть было не пришвартовались, а негр вдруг спрашивает: «А удав у вас есть? Если нет, так не швартуйтесь, тут по джунглям без удава не пройдёшь...» У нас, понимаешь, с собаками по лесу ходят, а у них с удавами. Пришлось отшвартоваться... Подплываем мы это к Африке с другой стороны, а там на берегу сидит целое племя Нанкасе, и все курят трубки. Тут мы пришвартовались. А тут километров за тридцать дым повалил. Мы с командой подумали — пожар. А негр говорит: «Это не пожар, это охотники сообщают, что убили двух газелей и одну антилопу». Оказывается, они по дыму друг у друга мысли на расстоянии читают, а мы их мысли читать не можем. Представляешь?

— Представляю,—сказал Женька.

— А мало ли какие у них мысли! Может, они наш катамаран задумают отнять, а он у нас реактивный! Пришлось отшвартовываться. А в это время девятый вал как даст, как смоем за борт всю провизию. А я говорю команде: «Поплывём вокруг света без провианта, рыбы полно, а на крайний случай, съедим паруса». Они у меня кожаные были. А он мне отвечает: давай назад возвращаться...

— Кто это он?

— Мишка-салажонок — трус, предатель! Представляешь, свежую рыбу отказался есть, я, говорит, только жареную дома ел. А про паруса и слушать не стал. Представляешь?

— Представляю...— слабым голосом сказал Женька, соображая, к чему все эти разговоры клонит Дима.

— Я хотел распилить катамаран, чтобы он на «ката» плыл домой, а я на «маране» вокруг света, он, понимаешь, расплакался.

— Кто расплакался? Катамаран?

— Какой катамаран! Мишка-салажонок. Я, говорит, один обратно дорогу не найду, я, говорит, заблужусь в океане. Ну, и пришлось вместе с ним домой возвращаться.—Дима замолчал, а потом сказал решительно: — Так что ты будь готов.

— А я и так...—сказал Женька, понимая, что он и есть теперь та команда, с которой Дима решил второй раз проплыть вокруг света.

— Что скажешь? — сурово спросил Дима.

Женька долго думал и совсем убито сказал:

— Благодарю...—и замолчал.

— За что? — спросил Дима.

— Благодарю за внимание... то есть за доверие.

— Ничего не поделаешь,—сказал Дима.— Это всё называется испытание на флаг. Ты, конечно, знаешь, что морские флаги делаются из материала особой прочности... Так что в интересах всего человечества... Понимаешь?

— Конечно», понимаю,—сказал Женька.

Поплавки тихо лежали на воде. Женька сидел и думал, как бы это рыба вовсе не стала клевать. Уж если Димыч выловит пару плотвичек — пусть он их и ест. Вот у Димы пусть и клюёт. А у него, Женьки, лучше не надо.

Вдруг за поворотом реки, совсем рядом с дачами, затарахтел земснаряд. Да так громко, что, вероятно, разогнал всю рыбу в реке. Женька сидел и с удовольствием слушал, как тарахтит земснаряд. Он очень обрадовался, что ему не придётся есть сырую рыбу. А Дима ужасно расстроился. Даже разозлился и, скрипя зубами, стал сматывать удочки.

Женька решил, что Дима стал сматывать удочки в полном смысле этого слова и они больше не будут сегодня готовиться к путешествиям, а будут просто лежать на берегу, просто купаться, просто загорать, но не тут-то было! Смотав удочки, Дима произнёс следующие загадочные слова:

— Ну, что ж, раз сырой рыбы нет под рукой, будем тренироваться на чём-нибудь другом.

С этими словами Дима перевёл взгляд на Женькины новые ботинки с ушками. Эти ботинки Женьке только вчера подарил папа.

Он знал, что Женька давно мечтал о спортивных ботинках с ушками и белым верхом, на толстой кожаной подошве. Поэтому папа и подарил Женьке именно такие ботинки.

— Сырая рыба — это что! — сказал Дима, глядя на ботинки. — Самое главное, надо уметь есть кожаные паруса. По методу итальянца Пигафетти.

Дима смотрел на Женьку, как укротитель смотрит на зверя, когда он, например, не хочет прыгать через горящий обруч, а Женька смотрел на Диму, как на укротителя.

Так они сидели на песке и смотрели друг на друга, пока Дима не произнёс наконец:

— Ну что ты?

— Что я? — спросил Женька.

— Давай! — сказал Дима.

— Что — давай? — спросил Женька с дрожью в голосе.

— Давай разувайся!

— Зачем? — спросил Женька.

— Тренироваться будем!

— На чём? — спросил Женька, понимая и делая вид, что не понимает.

— На твоих ботинках!

Женька решил скорчить из себя круглого дурака и спросил:

— А как мы будем на них... тренироваться?

— Как?! Съедем, и всё! — ответил Дима просто, так просто, будто только и делал, что ел кожаные ботинки.

Как пожалел Женька в ту минуту, что земснаряд разогнал по реке всю рыбу, ведь если бы был у них в ведёрке хоть какой-нибудь улов, то они бы сейчас уплетали его за обе щеки и, конечно, Диме бы не пришлось в голову предлагать есть кожаные ботинки!

Нет! Нет! Надо было что-то делать! Надо было каким-то образом немедленно спасти жизнь новеньких кожаных ботинок. Надо было немедленно заманить Димины мысли в какую-то новую ловушку! Может быть, тоже предложить съесть, но только что-нибудь другое! Скажем, небольшой куст сирени с корой, листьями, с ветвями, и даже с корнями, и даже с землёй.

Но разве Диму простой корой соблазнишь, если он решил съесть ботинки? «Ну, хорошо, — думал Женька, — если уж надо обязательно есть кожаные ботинки, то почему же мои?! Почему не Димины?! Прекрасная идея!»

— Давай есть ботинки! — бодро сказал Женька. — Только, чур, начнём с твоих!

— Пожалуйста! — сказал Дима. — Только где это ты читал, чтобы умирающие от голода путешественники употребляли в пищу резиновые кеды?!

Для иллюстрации Дима вытянул из песка свои

ноги в кедах, в старых резиновых, совершенно несъедобных кедах. Какая неудача! Ведь у Женьки дома тоже были кеды! Зачем же он, дурак такой, потащился в тёплую погоду в жёстких, новых, совершенно неудобных ботинках! Фасонщик несчастный!

— Тряпки и резина,—пояснил Дима,—совершенно никаких витаминов и калорий! А у тебя ботиночки очень даже калорийные! Питательные! На них неделю вполне можно продержаться!

И всё же Женька не сразу сдался. Он сделал ещё одну попытку спасти жизнь своих «калорийных» ботинок. Он сказал:

— Хорошо, Дима! Если нам для тренировки нужно обязательно съесть ботинки, я согласен! Только я думаю, нам лучше начать не с ботинок...

— Ас чего же?

— С полуботинок,—сказал Женька грубым шёпотом.—У меня есть старые полуботинки, я сейчас их принесу, и мы их съедим!

— Ну что ты! — возразил Дима.—Полуботинками мы не наедемся! Я думаю, что и твоих ботинок будет мало...

— Хорошо,—согласился Женька.—Тогда я сейчас принесу старые папины сапоги, и мы наедемся ими до отвала!

— Ну что ты! — сказал опять Дима.—Разве можно сравнивать старые сапоги с новыми ботинками. Неужели ты не понимаешь, что в старой коже гораздо меньше калорий и витаминов!

— Хорошо,—сказал Женька, делая ещё одну попытку спасти свои новые ботинки. — Хорошо! Мы съедим мои новые кожаные ботинки, но только не сегодня!

— Это почему не сегодня?

— Потому, что мы с тобой недавно завтракали! Как же мы на сытый желудок будем есть обыкновенные ботинки? У меня и аппетита-то никакого нету!

— Что же ты предлагаешь? — гневно спросил Женьку Дима.

— Съесть мои ботинки натошак!

— Ишь какой хитрый! — сказал Дима.—Да натошак такие ботинки всякий дурак съест, а на сытый желудок — только настоящие путешественники.

— Тогда вот что...—начал было Женька.

Но Дима не стал слушать никаких его отговорок.

— Конечно,—сказал он.—Конечно... Если такие жадюги путешественники, вроде Мишки-салажонка, которым легче придумать миллион отговорок или даже умереть с голоду, чем съесть без всяких рассуждений свои кожаные ботинки... в интересах всего человечества!

С этими словами Дима рухнул на песок и стал как бы совершенно умирать с голоду у Женьки на глазах.

А Женька! Да разве мог он перенести, чтобы капитан Соври-голова, он же капитан Сого и его троюродный брат, принял его за жадюгу путешественника! Нет, он не мог этого перенести! Ему легче было принести в жертву новые кожаные ботинки, чем потерять уважение такого человека! Только бы Дима считал, что он уже вполне готов к любым путешествиям.

— Хорошо,—сказал Женька.—Давай съедим мои ботинки, но только вместе с твоими кедами.

Не говоря ни слова больше, Женька снял свои ботинки и стал мыть их в реке.

— Ботинки сырые будем есть или варёные? — спросил он Диму прерывающимся голосом.

Дима подумал и сказал:

— Раз огонь не кончился, можно и варёные...

Всё-таки Дима хороший человек и добрый. Другой бы на его месте вполне мог заставить есть ботинки сырыми. Женька подошёл к котлу, в котором он собирался варить уху, зажмурился и, затаив дыхание, опустил ботинки в кипящую воду. Потом незаметно от Димы подбросил в котёл ещё пять карто-

шек, три морковки и две луковицы, но умирающий от голода Дима каким-то образом это заметил и поставил вытащить всю приправу обратно: и пять картошек, и три морковки, и две луковицы...

— Что ты тут устраиваешь какой-то суп с ботинками...—сказал он.—Ишь какой кулинар нашёлся...

— Это я-то кулинар?

Но Дима, видно, и сам пожалел, что так незаслуженно обидел Женьку, потому что он вдруг сжалился и сказал:

— Если уж тебе хочется, чтобы ботинки были повкуснее, пожалуйста, для первого раза можешь посолить воду. Соль у нас ещё осталась... И перец остался, и лавровый лист...

«Нет, всё-таки Дима — великодушный человек»,—подумал Женька, подбрасывая вместе с солью в кипяток чёрный перец и несколько лавровых листьев.

Вода в котле бурлила ключом. Ботинки крутились в кипятке, как белки в колесе. То правый наверх выплывет, то левый... А Женька мешал ложкой воду, стараясь не глядеть на ботинки, и всё время думал, что его маме, наверное, будет очень неприятно, когда она узнает, что он съел свои ботинки уже на второй день... Если бы Женька хоть немного поносил их и съел, скажем, через месяц или через два, тогда бы это, конечно, её не расстроило.

Женька так глубоко задумался, что даже не успел заметить, как его ботинки сварились. Лишь когда Дима заорал «готово» и подцепил на вилку варёный ботинок, он отвлёкся от своих грустных мыслей.

— Готово,—сказал Димка, кладя дымящиеся ботинки на лист лопуха.

Сначала на холодное они стали жевать разорванные на куски кеды, а потом перешли к ботинкам.

— В самый раз,—сказал Дима, глотая с аппетитом ушко.

Затем он разрезал на куски кожаный верх... Хотя Женька мысленно тоже умирал от голода, есть

с таким аппетитом, как Дима, свои ботинки он не мог.

Вероятно, Дима расправился бы со всем ботинком, который ему достался, включая подмётку и даже каблук, но в разгар пира в дальних кустах раздался треск, и среди зелени появилась голова Диминой сестры Зинаиды.

— Димка! Женька! — закричала она, подозрительно глядя.—Вот вы где! А вас Валентина Николаевна зовёт!

— Зачем? — спросил Женька, вслед за Димой пряча под миску недоеденный ботинок.

— Как зачем? — закричала Зинаида.—Обедать пора!

Худшего известия Зинаида никак не могла принести. При всём её желании. Женька так был сыт своим ботинком, что ему казалось, что он больше никогда ничего не захочет есть, а тут надо идти и поглощать обед из трёх блюд!

— Ладно! Иди! Мы сейчас!

— А не наврёшь? — издали спросила Зинаида.

— Да ты что! — завопил Дима.— Можешь проверить! Через три минуты...

— Ну, смотри...—сказала Зинаида.

Женька и Дима поднялись, залили костёр бульоном из-под ботинок и зашагали домой.

Как Женька ел обед, он не помнил. Дима и второй обед в интересах человечества уплетал за обе щеки — вот это Женька хорошо помнил. Ещё он помнил, что мама всё поглядывала на его босые ноги и всё время улыбалась. Пока вдруг не спросила:

— Евгений! А где твои ботинки? Почему ты вдруг босиком?

— М-м-м... — промычал Женька, размазывая кашу по тарелке.

— Почему ты без ботинок, я спрашиваю!

И тут вошла сама не своя сестра Димы, Зинаида. Она молча посмотрела под стол на босые Женькины ноги и на босые Димины ноги и вынула руку из-за

спины. В руке был сваренный и недоеденный ботинок.

— Они их съели...—сказала ужасным голосом Зинаида.

Женькин папа, молчавший всё это время, вдруг побледнел, приложил руку к сердцу и стал медленно подниматься со стула, а Женькина мама, пока папа поднимался, приложила к сердцу обе руки и стала медленно опускаться на стул.

Что после этого началось в доме! Как вызывали на дачу «неотложку»! Как прибежали папа с мамой к Диме! И как себя чувствовали всё время мальчишки — этого не перескажешь, потому что какому путешественнику промывают желудок, если он спасается от голода, съев свои ботинки! Никакому и никогда! Об этом орал Дима на всю дачу.

— Во-первых,—говорил Диме Женькин папа,—ты съел не свои ботинки, а ботинки своего родственника! А во-вторых, где ты читал, чтобы путешественник начинал свою подготовку к путешествиям с того, что ел кожаную обувь?

А потом, а потом Женьку с Димкой напичкали какими-то лекарствами, уложили в постели под родительским конвоем и заставили заснуть.

Когда Женька проснулся на следующее утро, Димы уже не было — очевидно, его увезли. Очевидно, его мама уже решила, что Диме можно сделать несколько шагов до машины и проехать полкилометра до своей кровати. Под подушкой Женька нашёл записку: «Всё в порядке!!! — писал Димка.—Подготовка к путешествию продолжается!!! Жди!!! Указаний!!!»

Это означало, что, возможно, сегодня же вечером или, в крайнем случае, завтра утром Дима снова появится на даче своего троюродного брата.

*КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ НАУЧИЛСЯ ЧИТАТЬ
МЫСЛИ НА РАССТОЯНИИ,
ИЛИ ДЫМ В РЮКЗАКЕ*

Так дальше не пойдёт,—сказал Дима Женьке,— у тебя тут ни до чего не договоришься — все подслушивают, во всё нос суют и вечно нас подозревают. Нужно что-то делать, и я придумал, что делать...

Дима всё это говорил, забежав после обеда к Женьке, который с книжкой качался в гамаке.

Женька уже совсем приготовился узнавать, что же это ещё придумал Дима, но в дверях веранды появился папа с очень решительным лицом и воскликнул:

— А, ты уже тут! Привет!

— Здравствуйте,—сказал Дима.

Папа подошёл к Диме, похлопал его приветственно по плечу. Женька ужасно обрадовался — подумать только, какой добрый и прекрасный человек его папа — всё простил, всё забыл: и ботинки, и змей. И теперь вот рад видеть Диму, до того рад, что не может оторвать от него рук. Женька просто залюбовался на эту картину.

А папа всё продолжал хлопать Диму. Постучав руками по плечам, он стал хлопать его по животу, по спине и по бокам. А когда уж папа стал хлопать Диму по заднему месту и даже по ногам, Женька вдруг понял, что это он его не приветствует, а просто обыскивает.

Обыскав Диму и не найдя ничего такого, папа на минуту задумался и сказал:

— А ну-ка, открой рот!

Дима открыл рот.

Папа заглянул ему в рот и сказал:

— Скажи — а-а-а...

Дима очень охотно сказал:

— А-а-а...

Не обнаружив ничего подозрительного во рту у Димы, папа стал выворачивать у него на курточке все карманы.

— Ничего,—сказал папа.

Дима вздохнул и пожал плечами — а что, мол, такого могло быть.

— Хорошо,—сказал папа,—может быть, всё случившееся научило уже вас жить, как все нормальные дети...

И папа ушёл.

— Пойдём на реку,—шёпотом сказал Дима.— Я там всё оставил.

— Что ты там оставил? — испуганно спросил Женька.

— Увидишь...

И они пошли на реку. Там, в кустах, Дима покопался немного и вытащил из травы старенький рюкзак. Он его едва вытащил — что-то в рюкзаке гремело и грохотало. Женька подошёл поближе и пощупал рюкзак рукой. Там что-то было круглое и железное.

Дима сел, достал из-за пазухи какую-то книжку и уткнулся в неё носом. Называлась книжка так: «Мои друзья из племени Нанкасе». Вспомнив, что это самое племя всего только и делает, что разговаривает при помощи дыма, Женька успокоился, даже не предполагая, что ровно через полчаса Дима подвергнет его таким испытаниям, перед которыми гибель любимых ботинок и возня со змеями будут выглядеть жалким и незначительным событием.

— Когда там, в театре, начало? — спросил Дима, бросив неторопливый взгляд на часы.

— В семь часов...—легкомысленно сказал Женька.

Диму такое его сообщение о времени вполне устроило.

— Я тебе про это племя говорил? Говорил! А вот тебе доказательство.— И он стал шёпотом читать: — «...но больше всего меня удивил случай в Африке среди племени Нанкасе. Заметив на горизонте дым, я указал на него проводнику Мзинга и сказал: «Пожар». Мзинга всмотрелся в даль и сказал: «Нет! Это наши люди сообщают, что в том месте у реки обнаружено много газелей». Так что готовься! К чтению твоих и моих мыслей при помощи дыма.

И только сейчас Женька сообразил, что хуже этого испытания Дима, пожалуй, ничего не мог и придумать. Мало ли какая недостойная мысль может мелькнуть в голове даже самого порядочного человека. В конце концов, он сам с ней, возможно, не согласится, и даже будет стыдиться, что так

подумал, но куда потом денешься, если эта самая мысль уже всем известна?

Женька тут же представил, какая может разыгаться на этом несчастном для него берегу сцена, если Дима действительно сумеет (сумеет! сумеет!) при помощи дыма прочесть его мысли! Сначала к небу пойдёт дым, потом туда же вместе с дымом повалят его мысли. Дима их, конечно, сразу же прочтает (прочтает! прочтает!) и заорёт, конечно, на весь дачный посёлок.

«Как?! — заорёт Дима. — Что я вижу?! Он всё ещё жалеет о том, что мы съели его ботинки! И мечтает о какой-то кожаной курточке на «молниях»?! И думает, как бы ему увидаться с какой-то девчонкой из соседней дачи? Боже мой! И я эту скареду, этого пижона, этого донжуана принимал за порядочного и смелого человека!!!»

Нет, сейчас же, сию же минуту надо было отговорить Диму от этой ужасной затеи.

— Слушай, Дима, — сказал Женька, — а почему бы нам не изучить азбуку Морзе? С её помощью тоже можно передавать мысли на расстояние!

— Азбуку Морзе? — зашипел Дима. — Связываться с разными там передатчиками?!

— Тогда, может быть, можно передавать мысли при помощи тамтамов? Я читал про такие барабаны... Или ещё я читал про слоновьи бивни, — сказал Женька. — Если в них погудеть, то можно передать мысли на триста километров...

— Барабаны! Бивни! — сказал Дима. — Тебе же нужно секретно передать секретные мысли, а не барабанить и не гудеть по секрету всему свету!

Женька подумал, какую бы ещё найти отговорку, и спросил:

— А штраф-то как?

— Какой ещё штраф? — удивился Дима.

— Десять рублей... постановление Моссовета... в дачной местности нельзя разводить огонь...

— Огонь нельзя, — сказал Дима, — а дым можно!

— Так ведь дыма без огня не бывает?

— А это что, по-твоему? — спросил Дима, подмигивая и хлопая по рюкзаку.

— А что это такое? — спросил Женька.

— Дым без огня! Вот что это такое!

Дима наконец развязал рюкзак и, оглядываясь по сторонам, вытащил из него круглую металлическую коробку с ручкой, похожую на кассету для кинолент, только потолще, и поднял её к Женькиному носу.

— «Шашка нейтрального дыма, — прочитал Женька на этикетке, морщась от неприятного запаха. — По спецзаказу Мосфильма».

— На киностудию за ними специально ездил, — сказал Дима. — Три часа пиротехника уговаривал. Еле уговорил.

«Ну, всё, — подумал Женька про себя, — не пройдёт и часа, как я на глазах у Димы погорю со всеми своими жалкими мыслями!»

— Слушай, — сказал Женька. — А почему бы нам с тобой...

Но Дима не стал больше Женьку слушать.

— Конечно, — сказал он, — есть такие горе-товарищи, которые и дыма боятся как огня... и для которых штраф в десять рублей дороже интересов всего человечества, и которые могут придумать миллион отговорок, только чтобы...

С этими словами Дима повалился на песок и стал изо всех сил переживать Женькину трусость и скупердяйство. А Женька? Разве Женька мог перенести, чтобы Дима принял его за какого-то труса, не годного ни для одного стоящего дела? Нет, он не мог этого перенести, он встал и сказал:

— Хорошо, Дима, я согласен читать дым! Только давай не с помощью шашек, а с помощью папирос?

Женька думал, что от папирос мало дыма и Дима не сможет тогда прочесть все его мысли.

— Никаких папирос! Только шашки! — заорал

Дима. В кустах кто-то прошумел или что-то прошумело, и Дима мгновенно спрятал в траве и пустой рюкзак, и коробку с шашками. На поляне появился папа. Он подозрительно посмотрел на них и спросил:

— Значит, шашки?

Женька чуть не умер от ужаса, что папа обо всём догадался, а Дима почему-то совсем спокойно сказал:

— Шашки!

— Шашки — это хорошо,—сказал вдруг папа, глядя на обложку Диминой книжки,—и книжки — это тоже хорошо! И шахматы тоже... хорошо! Шашки и шахматы я оставлю на веранде. Мы уходим, и я надеюсь, я надеюсь... я надеюсь... дача пустая... Вы меня поняли?

Женька пошёл проводить папу до калитки, чтобы заодно выслушать все его инструкции, а когда он вернулся обратно на берег, там уже всё было готово к чтению дыма.

Две шашки были уже извлечены из рюкзака и положены на землю недалеко друг от друга, рядом с кирпичами спиной к Женьке, он посмотрел на часы, чиркнул спичкой, и тотчас же из-за его головы словно бы вылетела стайка чёрной мошкеры. Дима обернулся, посмотрел на Женьку и потёр руки.

— Сейчас...—сказал он.—Сейчас мы узнаем, чем ты дышишь...

Женька присел с закрытыми глазами на кирпич и, чтобы Дима не узнал, чем он дышит, стал, как попугай, твердить: «Мне не жалко, что мы съели ботинки... мне не жалко, что мы съели ботинки...»

Дым лез Женьке в глаза, поэтому он ещё и жмурился, и морщил нос.

— Глаза открой! — закричал Дима.—Дым читают с открытыми глазами!

Женька открыл глаза и увидел, что из его шашки дым идёт какого-то подозрительного чёрного цвета.

При виде этого дыма он сразу же перестал думать о своих ботинках.

«Ой, ой, ой! — подумал он.—Какой-то уж больно страшный дым... как бы пожара не было...» И ещё он подумал, что сейчас Дима посмотрит на его дым, прочтает его и, вероятно, заорёт: «Что я вижу? Из шашки идёт обыкновенный дым, а этот неврастеник думает о пожаре! Трус! Ничтожная личность!»

Но вместо этого Дима почему-то закричал совсем другое.

— Слушай! — закричал Дима.—А почему это у тебя такой жидкий дым?!

Женька в первый раз посмотрел на Димин дым. Действительно, по сравнению с Диминим дымом Женькин дым представлял прямо-таки жалкое зрелище! Из Диминой шашки дым валил, как из паровой трубы, а из Женькиной поднимался какой-то жалкой струйкой.

— Э-э-э! — закричал Дима.—Да ты, наверное, ни о чём не думаешь.

— Как это не думаю! — закричал Женька.— Я думаю!

— А почему же у тебя такой жидкий дым? — не унимался Дима.

Женька хотел сказать, что, вероятно, какие мысли у человека, такой и дым у него, но удержался и только раскашлялся, потому что дым продолжал лезть и в глаза, и в рот, и в нос!

— Придётся тебе ещё одну шашечку под нос добавить! — сказал Дима, тоже кашляя.

С этими словами он достал из коробки ещё пару шашек и запалил их.

Одну шашку Дима оставил себе, другую поставил Женьке под самый нос и стал её раздувать. Из второй шашки повалил не только дым, но и полетели искры. При виде искр мысли о пожаре вспыхнули в Женькиной голове с новой силой, и он стал думать, что будет, если дача и вправду загорится

Всё, наверное, сгорит. И даже бабушкин железный сундук, куда папа с мамой сложили все кожаные вещи и предметы. И ещё Женька подумал, что если Дима прочитает сейчас его мысли, то это будет не так уж плохо. В конце концов, лучше пусть он сам погорит со своими мыслями, чем дача со всем имуществом.

— Дима,—сказал Женька,—ну, ты хоть одну мою мысль уже различил в дыму?

— Нет ещё,—сказал Дима, тоже кашляя и чихая.

«Что же делать? — подумал Женька.—Пока Дима сумеет различить в дыму мои мысли, пройдёт, может быть, час, а может быть, и больше, а дым идёт всё гуще, и искры летят вовсю, и запахло уже чем-то палёным...»

— Сейчас узнаем, о чём он думает...—прошептал Дима.

А Женька, чтобы хоть как-то помочь Диме и спасти положение, начал думать вслух.

— Я,—сказал Женька,—думаю сейчас о том, чтобы пожара не было.

А Дима и не слышал его голоса, он сам заорал:

— Сидишь неправильно! Далеко от дыма сидишь! Так, конечно, никакие мысли не прочтёшь!

— Ничего себе — далеко! И так дышать нечем!

— Надо в самом дыму сидеть! — кричал Дима.— Чтобы мысли дымом пропитались, а дым — мыслями! Вот как надо!

С этими словами Дима сунул запросто свою голову прямо в дым, подержал немного, а потом вытащил обратно. Белое Димино лицо после этого сразу же превратилось в негатив. А по щекам его побежали слёзы. Затаив дыхание Женька повторил Димин манёвр и тоже тихо про себя разревелился.

— Так,—сказал Дима, плача.—Теперь глотни его!

Женька глотнул. Ему уже было всё равно, лишь бы Дима прочитал его мысли про пожар.

— Так,—сказал Дима, чихая, кашляя и плача.—Теперь другое дело! Теперь гораздо лучше!

Может быть, Диме действительно стало лучше, но когда Женька ещё раз сунул голову в дым и потом ещё раз глотнул его, ему сразу стало гораздо хуже. Он опять зачихал и закашлял, а по лицу у него побежали тройные слёзы — одни из-за того, что дым ел глаза, другие оттого, что ему ужасно стало жаль дачу, третьи потому, что Дима и после глотания дыма не смог прочесть ни одной его мысли. А дым стоял над ними, как над морской эскадрой, и спины уже почему-то пекло.

— Сейчас узнаем, узнаем, о чём он думает! — бормотал про себя Дима.

Тогда Женька не выдержал и просто заорал.

— Не знаю,—заорал он,— о чём ты, Дима, думаешь, а я лично думаю о том, что наша дача уже горит! И нам с тобой, Димыч, надо не дым читать, а пожар гасить!

А Дима тоже заорал:

— Что ты мне про свои мысли кричишь! Ты мне про мои мысли кричи!

А Женька закричал:

— Свои мысли ты и сам знаешь! А мои не можешь прочитать, не можешь!

А Дима опять за своё:

— А я почему не могу их прочитать? Потому, что мой дым перепутался с твоим дымом и я не могу отличить свои мысли от твоих!

Женька заорал пуще прежнего:

— И всё ты врёшь! Мои мысли сейчас о том, что надо звонить по ноль один! А все остальные мысли — твои, а не мои вовсе!

И тут, вместо того чтобы сказать спасибо Женьке за помощь в прочтении мыслей, Дима вдруг ужасно рассердился:

— Некоторые типы говорят слова, чтобы скрыть свои мысли, только со мной такие штучки не пройдут! Нас не собьёшь!

Но к этому времени Женька уже так нахватался дыма, что ему всё равно было, что там думает о нём Дима, ему так стало всё равно, что он перестал помогать Диме читать мысли и совсем перестал интересоваться тем, что думает его троюродный брат. Он обернулся на дачу и увидел, что все окна у неё такие, как будто в комнатах кто-то проявляет при красном свете. Тут уж он просто завопил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Вероятно, его мысли о пожаре если не Димке, то кое-кому всё-таки удалось прочесть. Потому что над дачей вдруг появился в воздухе вертолёт, а со стороны речки, преодолевая дымовую завесу, стал подруливать катер речной милиции. А в глубине дыма за оградой раздались громкие голоса...

Как мама и папа Женьки и сестра Димки Зинаида наткнулись на них в чёрном тумане? Из-за чего мама упала в обморок? Что кричал командир пожарных, когда обнаружил дымовые шашки и не обнаружил никакого пожара? И что после этого началось? Как реагировала на всё соседка Женьки, ещё не успокоившаяся после истории с удавом? Почему милиционер с катера записал телефон? Чем пригрозил брандмайор Женькиному папе? Об этом нужно писать совершенно особенный рассказ. Сейчас можно сказать только о том, что Женька и Дима вели себя мужественно и героически. Дима потому, что это был его принцип. А Женька оттого, что уже ко всему привык. Конечно, как всегда, их спокойное состояние рухнуло, как только приехал врач на «скорой помощи». Он установил у обоих отравление угарным газом, правда не очень тяжёлое. Врач достал две кислородные подушки и заставил Женьку с Димой дышать кислородом. Потом он заставил нюхать нашатырь, потом заставил раздеться и растёр с ног до головы, а потом хотел обложить обоих грелками.

Дима всё терпел, но из-за грелок просто взбунтовался. Взбунтовался и Женька. Дима вопил, что он

нигде не читал, чтобы, например, путешественникам, которые читали мысли с помощью дыма, давали после этого нюхать нашатырь и обкладывали грелками.

— Во-первых,—сказал Женькин папа,—вы дым не читали, вы его просто нюхали... Во-вторых,—сказал Женькин папа,—для того чтобы читать мысли на расстоянии, надо иметь не только расстояние, но и мысли...

Женьке показалось, будто отец хотел что-то сказать «в третьих», «в-четвёртых» и «в-пятых», но доктор сказал, что им нужен полный покой и тишина. После этого все ушли. И Женька с Димой остались в полной тишине и в полном покое.

Если не считать покашливания, Женька и Дима лежали молча. Судя по выражению Диминого лица, он опять обдумывал что-то совершенно невероятное. Но с Женькой он пока об этом не разговаривал, и Женька вдруг забеспокоился, что Дима почему-то больше не хочет, чтобы он в чём-то невероятном участвовал. Но, убедившись, что ни с дымом, ни без дыма Дима всё равно не прочитает ни одной мысли, Женька, как всегда, но почему-то с ещё большим наслаждением предался своим ничем не выдающимся мыслям...

СОДЕРЖАНИЕ

Как капитан Соври-голова чуть не влюбился, или Некрасивая девчонка	3
Как капитан Соври-голова чуть не нашёл клад, или Золотая лихорадка	17
Как капитан Соври-голова чуть не стал чем- пионом, или Фосфорический мальчик	31
Как капитан Соври-голова готовился к путе- шествию, или «Калорийные» ботинки	43
Как капитан Соври-голова чуть не научился читать мысли на расстоянии, или Дым в рюкзаке	53

для младшего школьного возраста

Валерий Владимирович Медведев

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА

Рассказы

ИВ № 7616

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор М. Д. Сухощева. Технические редакторы Е. М. Захарова и Н. Г. Мохова. Корректор И. Н. Мокина. Сдано в набор 13.05.83. Подписано к печати 17.01.84. Формат 60х90/Де- Бум. офс. № 2. Шрифт обычный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 4,5. Уч.-изд. л. 2,87. Тираж 750 000 экз. Заказ № 2220. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.